

Research Article

Андрей Алексеевич Новиков (Andrei Alekseevich Novikov)*

Восприятие права и правоведов в России в рассказе А. П. Чехова «Злоумышленник» и романе Л. Н. Толстого «Воскресение»

The Perception of Law and Lawyers in Russia in A. P. Chekhov's *The Malefactor* and L. N. Tolstoy's *Resurrection*

<https://doi.org/10.1515/cjss-2025-0015>

Received August 20, 2025; accepted September 23, 2025; published online October 30, 2025

Аннотация: Восприятие права и его основных носителей – юристов – нашло весьма интересное отражение в русской литературе второй половины XIX века. Это была эпоха перехода от патриархального аграрного общества к современному индустриальному. Подобного рода трансформация испытала своеобразное преломление в виде конфликта между народным правосознанием и действующим правом. А. П. Чехов интересовался судебными процессами и расследованиями преступлений крестьян на железной дороге, сам лично общался с таким правонарушителем и товарищем прокурора, что нашло свое непосредственное отражение в рассказе «Злоумышленник». Л. Н. Толстой сам одно время учился на юридическом факультете Казанского университета и дружил с известным русским юристом А. Ф. Кони. Рассказанная им история и была положена в основу романа «Воскресение». В рассказе А. П. Чехова «Злоумышленник» и романе Л. Н. Толстого «Воскресение» наиболее ярко отразилось народное восприятие права и правоведов.

***Corresponding author: Андрей Алексеевич Новиков (Andrei Alekseevich Novikov),**

Юридический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия (Faculty of Law, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation),
E-mail: st01632@spbu.ru

Ключевые слова: право и литература; патриархальное общество; А. П. Чехов; Л. Н. Толстой

Abstract: The perception of law and its main bearers – lawyers – has its very interesting reflection in Russian literature of the second half of the 19th century. It was an era of transition from a patriarchal agrarian society to a modern industrial society. Such transformation was refracted through the conflict between the people's legal consciousness and law in practice. A. P. Chekhov took a keen interest in trials and investigations of peasant crimes related to the railroad. He personally communicated with both a criminal and a deputy prosecutor, experiences directly reflected in his short story *The Malefactor*. L. N. Tolstoy who had studied at the Faculty of Law of Kazan University and maintained a friendship with the renowned Russian lawyer A. F. Koni. The story of A. F. Koni was the basis for his novel *Resurrection*. Both A. P. Chekhov's *The Malefactor* and L. N. Tolstoy's *Resurrection* vividly capture the popular perception of law and lawyers during that period.

Keywords: law and literature; patriarchal society; A. P. Chekhov; L. N. Tolstoy

1 Введение

Тема «Право в художественной литературе» в последнее время стала весьма популярным направлением исследований, о чем свидетельствует обзор литературы, данный в статье М. В. Лебедь (Лебедь 2025). В некоторых юридических вузах появилась соответствующая учебная дисциплина (Posner 2009; Миронова et al. 2023; Рамзанов 2020). В настоящей статье мы ставим перед собой довольно узкую задачу – исследовать отражение правосознания, восприятие права и правоведов в классических произведениях русской литературы: рассказе А. П. Чехова «Злоумышленник» (1885 г.), романе Л. Н. Толстого «Воскресение» (1899 г.). Выбор произведений обусловлен тем, что в них ярко представлен контраст между народным и профессиональным правосознанием. Оба писателя в центр повествования поставили «маленького человека» и его восприятие права. Однако у Чехова сам крестьянин в диалоге со следователем объясняет свое отношение к праву, а у Толстого средством описания правосознания являются и монологи юристов, и внутренняя речь, и прямые авторские суждения. В «Воскресении» представлен взгляд на народное правосознание не со стороны профессионального юриста-следователя и правонарушителя-мужика, а со стороны некоего наблюдателя, одновременно наделенного здравым народным умом и твердым представлением о праве как *summa injuria*. Правосознание Л. Н. Толстого было настолько тесно связано с

представлениями о праве и справедливости человека из народа, что, на наш взгляд, будет вполне корректным для исследования привлечь к анализу позицию самого «мужицкого графа», выражаемую не только в тексте романа, но и в его письмах и воспоминаниях.

Исследователи изучали самые различные аспекты, связанные с отношением к праву в «Злоумышленнике» и «Воскресении». Позиции авторов варьируется от поддержки и сочувствия (Гольденвезер 1901; Егоров 2025; Харабет 2012; Ячевский 1983) до обиды (Аноним 1900) или откровенно пренебрежительно-покровительственного отношения к создателям этих произведений (Козлихин 2014). Мы надеемся, что наше исследование позволит лучше понять особенности правосознания русского человека и специфику отражения этого феномена в «Злоумышленнике» А. П. Чехова и «Воскресении» Л. Н. Толстого.

2 Исторический контекст

История России эпохи «Великих реформ» и последовавших затем контрреформ постоянно привлекает внимание специалистов самых различных областей знания. В этот период русская литература как культурный феномен приобрела всемирно-историческое значение. В связи с этим представляется вполне закономерным интерес правоведов к русской литературе второй половины XIX века, где нашли отражение процессы кардинальной ломки старого, феодально-патриархального уклада, перехода от патриархального, аграрного к современному буржуазному, индустриальному обществу, основанному на формально-правовом равенстве граждан, независимости судебной системы или, по крайней мере, ее относительной автономности от административных органов государственной власти.

одалной эпохи с ее сословным делением, полукрепостным состоянием временнообязанных крестьян, телесными наказаниями (отменены для большей части населения только в 1904 г.), общим пренебрежением к человеческой личности, отрицание формально-правового равенства перед законом всех подданных Российской Империи – все это противоречило новому буржуазному укладу с его равенством всех перед законом, независимой судебной властью, представительными учреждениями, подконтрольностью правительства и администрации.

Трансформация экономического и социального уклада привела к конфликту между народным правосознанием и действующим правом, простыми людьми и профессиональными юристами. Консервативность сельского населения, принцип «жить как жили предки», настороженность ко всему новому

приводили к восприятию позитивного права как чего-то чуждого, противоречащего народному пониманию справедливости. Великорусское крестьянство старалось оградить себя от этих нововведений, предпочитало держаться за архаичные нормы обычного права или неправовые институты добуржуазной эпохи (здоровый смысл, моральные правила и т. п.) (Миронов 1999).

Такому положению дел способствовал и тот фактор, что в России основой правопорядка считалась исполнительная власть. Пренебрежительное отношение к правосудию было свойственно и чиновничеству, и дворянству. Поэтому неуважение крестьян к суду и праву не следует путать со страхом перед ними, который был больше сродни страху перед стихийными бедствиями социального характера (вспомним из поэмы Н. А. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо?»: «и ужас народа при слове «набор» подобен был ужасу казни»). Да ужас был, но не было уважения и понимания значения судебной системы и права для современного буржуазного общества, в которое Россия с огромными издержками, но неизбежно превращалась. Неуважением «к юридическим методам защиты права было пропитано и сознание очень многих в правительстве и обществе накануне эмансипации. Благоговейное отношение к судебной власти на Западе, да и во многих примитивных обществах, было совершенно несвойственно России» (Уортман 2004). Например, классик французской литературы XIX века Оноре де Бальзак в «Блеске и нищете куртизанок» в высшей степени комплиментарно отзываясь о суде и судебных чиновниках, хотя и не скрывает их человеческие слабости и недостатки (см. описание образа судебного следователя Камюзо и сцены с допросом Жака Коллена и Люсьена де Рюампре).

Правосознание, присущее узкому кругу юристов и части интеллигенции, не было единственным видом правосознания в России или получившим в ней широкое распространение. Носителем европейского типа правосознания в России того времени был очень узкий слой правоведов, адвокатов, части чиновников и предпринимателей. Собственно говоря, традиционное патриархальное правосознание было свойственно практически всему русскому крестьянству, значительной части наемных рабочих, подавляющей части дворянства и духовенства, большей части буржуазии (достаточно вспомнить старообрядческое происхождение некоторых русских капиталистов). В целом можно констатировать, что русская правящая элита, а также низшие классы, если и обладали европейским правосознанием, то в очень небольшой степени. Европеизация была крайне слабой, поверхностной.

В наибольшей степени европейское правосознание было свойственно такому своеобразному социальному феномену русской общественно-политической жизни, как интеллигенции. Именно из ее рядов рекрутировались представители юридических профессий. В силу своего происхождения и

социального характера интеллигенция не была в чистом виде наделена европейским правовопониманием. На рациональном уровне она вполне адекватно представляла себе, что такое право. Но в плане культурно-историческом ее правосознание неизбежно преломлялось через сферу русской традиционной культуры и русского национального быта.

Известный исследователь правовых систем современности Рене Давид совершенно точно характеризует интересную особенность правосознания в России – представление о жизни без судов и права как о вполне нормальном явлении. Он замечает: «Лев Толстой желал исчезновения права и создания общества, основанного на христианском милосердии и любви. В этом плане марксистский идеал и нашел благодатную почву в моральных и религиозных чувствах русского народа» (Давид and Жоффре-Спинози 1999, 119).

3 Правосознание в рассказе А. П. Чехова «Злоумышленник»

Сюжет рассказа А. П. Чехова «Злоумышленник», где следователь производит разбирательство по делу о краже гаек с железнодорожных рельсов (Чехов 1976), не был выдумкой писателя. В период написания рассказа в 1885 г. А. П. Чехов, проживая в г. Воскресенске (ныне г. Истра), познакомился с судебными следователями М. И. Шеффером и Н. Г. Серповским. Писатель живо интересовался работой следователей, происшествиями, которые им пришлось расследовать (Харабет 2008). Что же касается сюжета рассказа, то подобный случай, по свидетельству В. А. Гиляровского, произошел и с самим А. П. Чеховым, который действительно пытался убедить мужика Никиту Пантюхина (Хромого) прекратить отвинчивать гайки от рельсов и шпал для изготовления сетей, объясняя ему, что это может привести к крушению поезда и гибели людей. Однако Никита, как и герой рассказа Денис Григорьев, возражал писателю с точки зрения «здорового смысла» доиндустриального общества, что он отвинчивает не все гайки и оставляет необходимое число (Чехов 1976). А. П. Чехов столкнулся с искренним непониманием своих упреков крестьянином. Л. Е. Оболенский по этому поводу замечал:

В самом деле, взгляните глубже в этого следователя и этого мужика, ведь это два мира, оторванные от одной и той же жизни; оба русские, оба в существе не злые люди, и оба не понимают друг друга. (Чехов 1976, 479)

В рассказе железнодорожный сторож обнаружил крестьянина Дениса Григорьева при скручивании гайки, которой рельсы прикреплялись к шпалам.

Последний объяснил, что «народ» (климовские крестьяне) делают из гаек грузила для рыбной ловли. Интересной представляется логика крестьянина. Свой поступок он признает правомерным. И у него есть целый ряд совершенно искренних оправданий своих действий. Эти доводы можно разделить на две основные группы. Одни из них направлены на объект (столь много гаек не нужно, крестьяне отвинчивают не все, они оставляют несколько штук), другие обосновываются одобрением этих действий сельской общиной (вся деревня скручивает гайки) и господами, которые охотно покупают сети с этими гайками-грузилами.

Следователь пытается объяснить крестьянину, что рельсы прикрепляется к шпалам гайками и в результате утраты даже части гаек поезд может сойти с рельсов и могут погибнуть люди. Эти доводы наталкиваются на полное непонимание крестьянина. Он говорит: «Уже сколько лет всей деревней гайки отвинчиваем... а тут крушение... Если б я рельсу унес или...бревно поперек ейного пути положил, тогда пожалуй, своротило бы поезд...» (Чехов 1976, 85). С точки зрения здравого народного смысла крестьяне оставляют достаточное количество гаек, чтобы поезд безопасно передвигался по рельсам. Все доводы индустриального общества воспринимаются как способ «засудить» сирого и убогого, как ложь, как оправдание несправедливости. Денис мыслит в доиндустриальном, в феодально-патриархальном формате: «все так делают», т. е. мир – община, сам «народ божий» выработал коллективное одобрение кражи гаек. Индустриальной расточительности противопоставлена патриархальная бережливость. Гайка же имеет самые необходимые качества для грузила – она тяжелая и у нее есть отверстие.

Поэтому справедливо, с точки зрения мира, обратить эти индустриальные излишки к пользе нуждающегося. Кроме того, этот крестьянин свинтил лишь несколько гаек на грузила, а вот его односельчанин Митрофан Петров занимается производством сетей на продажу господам. Ему требуется большое число гаек – около дести штук на одну сеть. По логике крестьянина Григорьева, если Петрова и господ, которые покупают у него сети, не привлекают к ответственности за скручивание и использование десятков гаек, то и его нельзя прилекать к ответственности. Таким образом, при одобрении миром скручивания гаек судить отдельного крестьянина – несправедливо.

Показателен сам диалог между следователем и крестьянином. Следователь говорит: «Теперь понятно, отчего в прошлом году сошел поезд с рельсов». Крестьянин: «На то вы и образованные, чтобы понимать... Господь знал, кому понятие давал... Вы вот и рассудите, как и что, а сторож тот же мужик, без всякого понятия... Сказано – мужик, мужицкий и ум» (Чехов 1976, 86).

Денис просто не в состоянии понять формально-правового равенства всех перед законом, индивидуальной ответственности за свой проступок. Он еще живет в мире сословно-иерархическом, где темнота и невежество низшего сословия смягчает либо вообще освобождает его от ответственности. Чиновник-правовед совершенно чужд и непонятен крестьянину. Его ссылки на писаное право, на закон, на Уложение о наказаниях уголовных вызывают у крестьянина слепую покорность. Он говорит: «Конечно, вы лучше знаете... Мы люди темные...». Он вообще думает, что его отправляют в тюрьму за неуплату налога его братом, т. е. по ошибке (Чехов 1976, 86).

Таким образом, можно сказать, что народное правосознание отторгает действующее право, воспринимает его как произвол власть имущих. Крестьянину ближе и понятнее власть и суд своего помещика, чье правосознание практически ничем не отличалось от правосознания подвластного ему крестьянства. Показательна апелляция крестьянина к старым, доиндустриальным порядкам. «Судьи! Помер покойник барин-генерал, царство небесное, а то показал бы он вам, судьям... Надо судить умеючи, не зря... Хотя и высеки, но чтоб за дело, по совести...» (Чехов 1976, 87).

Неприятие официального права сочетается с покорностью ему как некой злой природной силе: засухе, пожару, наводнению, голоду и т. п. Интересно, что отражение такого восприятия можно найти в современном договорном праве России, где в качестве *vis major* в одном ряду указываются наводнение, пожар, селевые потоки, законы, указы президента, распоряжения правительства, нормативные акты местных властей. Чуждое явление – официальное право – грубо вторгается в право народное, которое воспринимается как высшая справедливость.

Об отношении Чехова к правосудию М. Горький пишет:

... я застал у него молодого, красивенького товарища прокурора. Он стоял пред Чеховым... и, бойко говорил: – Рассказом «Злоумышленник» вы, Антон Павлович, ставите предо мной крайне сложный вопрос. Если я признаю в Денисе Григорьеве наличность злой воли, действовавшей сознательно, я должен, без оговорок, упечь Дениса в тюрьму, как этого требуют интересы общества. Но он дикарь, он не сознавал преступности деяния, мне его жалко! Если же я отнесусь к нему как к субъекту, действовавшему без разумения, и поддамся чувству сострадания, – чем я гарантирую общество, что Денис вновь не отвинтит гайки на рельсах и не устроит крушения? Вот вопрос! Как же быть? <...>

– Если б я был судьей, – серьезно сказал Антон Павлович, – я бы оправдал Дениса... <...>

Юрист засмеялся, но тотчас же вновь стал торжественно серьезен и продолжал:

– Нет, уважаемый Антон Павлович, – вопрос, поставленный вами, может быть разрешен только в интересах общества, жизнь и собственность которого я призван охранять. Денис – дикарь, да, но он – преступник, – вот истина!

(Горький 1979, 49-50)

А. П. Чехов не приемлет такого правосудия, испытывает чувство вины за современное ему «варварское общественное бытие, которое создало Сахалин». Ведь на этот «Сахалин» отправится Денис и ему подобные крестьяне (Ежов 1930). Правосудие он сравнивает с граммофоном и фотографией, поскольку все здесь «выходит карикатурно, мертво». В описанном отношении к праву и правоведам второй половины XIX века А. П. Чехов был не одинок.

4 Правосознание в романе Л. Н. Толстого «Воскресение»

В «Воскресении» Л. Н. Толстого образы судебных чиновников, юристов, присяжных заседателей занимают важное место для характеристики даже не столько основных персонажей романа, сколько правовой и социальной действительности России второй половины XIX века.

Л. Н. Толстой приступил к написанию «Воскресения» в 1889 г. (Шкловский 1967), т. е. уже после знакомства с рассказом А. П. Чехова. Поэтому не исключено, что не только Л. Н. Толстой оказал влияние на А. П. Чехова (Соболев 1934), но и Чехов со своим «Злоумышленником» укрепил негативное отношение Толстого к современному ему праву и судопроизводству. Л. Н. Толстой высоко оценил этот текст: «Злоумышленник» – превосходный рассказ... Я его раз сто читал. Тоже судьи» (Чехов 1976, 479). Л. Н. Толстой любил А. П. Чехова «...нежно, ревниво и требовательно» (Шкловский 1967, 547). Как мы видим, требовательности Л. Н. Толстого вполне отвечал и рассказ «Злоумышленник».

Центральным эпизодом романа Л. Н. Толстой сделал судебный процесс над отравителями подгулявшего купца, в числе которых оказалась и Екатерина Маслова. Описанный в деталях судебный процесс дает богатый материал для размышлений о российском праве и обществе. Н. К. Гудзий отмечает:

Эпизод суда является одним из важнейших звеньев в развитии взаимоотношений Нехлюдова и Масловой. Он дан Толстому исходным рассказом Кони. Однако уже в самом начале работы над повестью изображение суда для художника выходит за пределы чисто фабульной необходимости. В своем дневнике под датой 18 июня 1890 г. Толстой записывает: «Обдумал на работе то, что надо Коневскую начать с сессии суда; а на другой

день еще прибавил то, что надо тут же высказать всю бессмыслицу суда. (Гудзий and Маймин 1964, 504)

Детальное описание суда, мыслей и действий всех его участников должны были показать читателю ненормальность отечественного жизнеустройства и призванной защищать его судебной системы. С точки зрения Л. Н. Толстого, ненормальность проявляется в том, что преступник оказывается судьей, а его жертва – подсудимой. Катя Маслова сидит на скамье подсудимых, а Нехлюдов – среди присяжных заседателей. В первой законченной редакции романа Л. Н. Толстой ещё более ярко представляет читателю мысли Нехлюдова, который отдает себе отчет, что в отношении Масловой он «... грабитель, вор, развратник и соблазнитель, сидит и судит, и слушает показания, вопросы, рассматривает вещественные доказательства...». Но не один он такой. Председатель суда – развратен и мерзок, впрочем, его жена не уступает ему в этих пороках. Нехлюдов размышляет: «И этот танцор председатель, у которого, верно, на совести не один такой поступок, и все они. Все мы судим тех, которых сами же погубили» (Толстой 1936b, 58-9).

Обвинителем Масловой является товарищ прокурора – беспринципный карьерист, желающий выиграть все процессы для дальнейшего продвижения по карьерной лестнице. Его совершенно не интересует сама Маслова и ее дальнейшая судьба. И с такой бездушной машиной сталкивается ею же погубленная Катя Маслова. Товарищ прокурора настаивает, что именно ее следует признать главной опасностью для общества, заразной болезнью, подлежащей беспощадному искоренению. В то время как действительная опасность в анализируемых текстах исходит из несправедливых законов и аморальных чиновников от суда. Примечательно, что единственным приличным человеком из судейских представлен судебный пристав, запойный пьяница. Автор словно говорит нам: «Нельзя трезвыми глазами смотреть на такой суд!» (Толстой 1936a, 25).

Л. Н. Толстой показывает, что такое положение дел – не единичный случай или некое отклонение от нормы, досадный эксцесс, а свойство самой судебной системы. С этой целью он приводит в качестве примера другие дела, где люди, с формально-правовой точки зрения признаваемые преступниками, таковыми на самом деле не являются: крестьяне, косившие траву на помещичьем луге, мальчик, укравший никому не нужные половики (Толстой 1936a, 121-4).

Но почему так происходит? Почему все поменялось местами? Почему право и суд, призванные защищать справедливость, превратились в свою противоположность? Для ответа на этот вопрос следует обратиться к взглядам

Л. Н. Толстого на природу и истоки преступности, на социологические теории права.

Общий взгляд Л. Н. Толстого на право обычно характеризуется как правовой нигилизм, т. е. полное отрицание права как регулятора общественных отношений. Иногда даются более мягкие характеристики взглядов Толстого, указывается на его высокие гуманистические идеалы, которым не соответствовала юридическая практика того времени (Прокопчук 2019). Действительно, Л. Н. Толстой отрицает как современное ему право, так и многие общественные и религиозные институты. Правовая концепция Л. Н. Толстого подчинена его этическим и религиозным взглядам. Наиболее концентрированно его позиция выражена в 1909 г. в «Письме студенту о праве»:

- 1) ...так называемая наука о праве, в сущности величайшая чепуха, придумана и распространяема не *de gaieté de coeur*, как говорят французы, а с очень определенной и очень нехорошей целью: оправдать дурные поступки, постоянно совершаемые людьми нерабочих сословий;
- 2) ...правом в действительности называется для людей, имеющих власть, разрешение, даваемое ими самим себе, заставлять людей, над которыми они имеют власть, делать то, что им – властвующим, выгодно, для подвластных же правом называется разрешение делать все то, что им не запрещено. Право государственное есть право отбирать у людей произведения их труда, послать их на убийства, называемые войнами, а для тех, у кого отбирают произведения их труда и которых посылают на войны, право пользоваться теми произведениями своего труда, которые еще не отобраны от них, и не идти на войны до тех пор, пока их не посылают. Право гражданское есть право одних людей на собственность земли, на тысячи, десятки тысяч десятин и на владение орудиями труда, и право тех, у кого нет земли и нет орудий труда, продавать свои труды и свои жизни, умирая от нужды и голода, тем, которые владеют землею и капиталами. Уголовное право есть право одних людей ссылатъ, заточать, вешать всех тех людей, которых они считают нужным ссылатъ, заточать, вешать; для людей же ссылаемых, заточаемых и вешаемых есть право не быть изгнанными, заключенными, повешенными до тех пор, пока это тем, кто имеет возможность это делать, не покажется нужным. (Толстой 1936с, 54-6)

В этом письме, как и в «Воскресении», писатель обращается к социально-экономическим условиям человеческого бытия как главной причине, порождающей преступность. Богатство одних классов – помещиков и фабрикантов, составляющих ничтожное меньшинство, основано на нищете и угнетении абсолютного большинства неимущих классов – крестьянства и

рабочих. Причем первые представляют собой морально разложившегося коллективного паразита, а вторые являются страдающими тружениками, за счет которых и существует господствующий класс.

Обратимся к приемам, которые применяет Л. Н. Толстой для создания образов участников суда, соответствующих его политико-правовым взглядам.

Если А. П. Чехов показывает отношение к праву и правоведам через диалог следователя и крестьянина, то Л. Н. Толстой дает авторскую характеристику персонажа, а собственные слова участника судебного процесса слухат лишь дополнением к сказанному автором.

Л. Н. Толстому было достаточно с помощью деталей показать читателю облик и сущность литературного героя. Так, Н. К. Гудзий пишет:

Ничтожная сама по себе вещица, какой-нибудь предмет обстановки, по убеждению художника, в большей степени обнаруживают сущность человека паразитического сословия, нежели любая самая живописная, самая «личная» портретная деталь... Дорогие вещи, великолепная обстановка находятся в непосредственной взаимозависимости с тяжелыми условиями жизни миллионов крестьян. Действительно в «Воскресении» вещи сами обвиняют своих владельцев. (Гудзий and Маймин 1964, 489-90)

Тот же прием применяет Л. Н. Толстой и при характеристике представителей юриспруденции, видя в них неотъемлемую часть правящего класса или его obsługi.

Поскольку конфликт Нехлюдова и Масловой является более широким конфликтом – столкновением «...двух классов людей: преступного класса и класса-жертвы, класса богатых и царствующих и класса бедных и поработченных», то во второй редакции романа:

...Толстой заметно усиливает критический элемент повествования. Сатирически описана сцена суда. Речь товарища прокурора выдержана автором в плане определенно ироническом, как и портретная характеристика (Гудзий and Маймин 1964, 511).

Товарищ прокурора был от природы очень глуп, но сверх того имел несчастье окончить курс в гимназии с золотой медалью и в университете получить награду за свое сочинение о сервитутах по римскому праву, и потому был в высшей степени самоуверен, доволен собой (чему еще способствовал его успех у дам), и вследствие этого был глуп чрезвычайно. <...> Речь товарища прокурора, по его мнению, должна была иметь общественное значение, подобно тем знаменитым речам, которые говорили сделавшиеся знаменитыми адвокаты. Правда, что в числе зрителей сидели только три женщины: швея, кухарка и сестра Симона, и один кучер, но это ничего не значило. И те знаменитости так же начинали. (Толстой 1936a, 70-1).

Именно римское право упоминается с сарказмом, потому что римское право и Россия, с точки зрения Л. Н. Толстого и А. П. Чехова – оксюморон,

несовместимые сущности. Здесь уместно вспомнить, что и в рассказе «Ионыч» А. П. Чехов (1898 г.), чтобы подчеркнуть полный отрыв «культурной семьи» Туркиных от реальности, вкладывает в уста ее главы Ивана Петровича, отца «Котика», следующие слова: «Вы не имеете никакого римского права...».

Речь, построенная с упоминаниями достижений европейской науки, вызывает у Л. Н. Толстого неприятие и раздражение.

В его речи было все самое последнее, что было тогда в ходу в его круге и что принималось тогда и принимается еще и теперь за последнее слово научной мудрости. Тут была и наследственность, и прирожденная преступность, и Ломброзо, и Тард, и эволюция, и борьба за существование, и гипнотизм, и внушение, и Шарко, и декадентство. (Толстой 1936а, 72)

О чем же говорят упомянутые в романе теории, на основе которых товарищ прокурора строит обвинение Масловой? Сразу отметим, что «гипнотическое влияние», Шарко и «декадентство» к праву практически не имеют отношения. В «Плодах просвещения» (1890 год) Л. Н. Толстой едко высмеивал подобные суеверия образованной части общества, противопоставляя ей здравый народный смысл.

Собственно к правовым теориям можно отнести теории Ч. Ломброзо и Г. Тарда. Идеи Чезаре Ломброзо были весьма популярны среди русских юристов. Согласно теории Ч. Ломброзо, человек становится преступником не в силу социальных причин (например, голодные дети толкнули Жана Вальжана на преступление), а в силу врожденных качеств, т. е. преступник преступен по своей природе. Ч. Ломброзо фактически предлагает отнести преступников к отдельному виду *homo sapiens* – *homo delinquent*. Социальные явления Ломброзо выводит из биологической природы отдельных людей. Преступника отличают от обычных людей внешние морфологические признаки, такие как форма черепа, особое строение ушной раковины и др. Ч. Ломброзо считал, что по внешним признакам можно даже различить лиц, склонных к определенным видам преступления: краже, грабежу, мошенничеству, изнасилованию и т. п., или «аффективных дегенератов», склонных к политическим преступлениям. Преступность – врожденное свойство индивида, поэтому преступника нельзя перевоспитать и социализировать. Лучшим для общества будет либо как можно более длительная изоляция от него такого человека, либо его уничтожение (второе, с точки зрения теории Ч. Ломброзо, предпочтительно).

Эта псевдонаучная теория, в настоящее время полностью отвергнутая как не нашедшая практического подтверждения и тесно связанная с нацизмом, оправдывала угнетение низших классов, а в совокупности с социал-

дарвинистскими воззрениями и оправданием угнетения других народов, внешне отличающихся от европейцев.

Не обошел своим вниманием Ч. Ломброзо и проституток, утверждая, что женщина занимается проституцией в силу своих врожденных наклонностей (Ломброзо and Ферреро 1897). Товарищ прокурора очень близко к тексту Ломброзо обвиняет Маслову в природной склонности к разврату, поэтому никакие попытки «добрых барынь» воспрепятствовать ее вступлению на путь порока не могли привести к положительному результату.

Прямое влияние теории Ч. Ламброзо можно встретить и в «Человеке-звере» Эмиля Золя, но эта теория не оказала значительного влияния на русскую культуру и литературу (Николози 2019). Невозможно себе представить, чтобы Ф. М. Достоевский вместо того, чтобы вскрывать социальные причины падения Сонечки Мармеладовой, видел в ее поведении «природную склонность» к проституции. Поэтому в наше время теория Ломброзо заняла место в учебниках по истории криминологии как некий тупиковый путь развития этой науки.

Интересен и тот факт, что Толстой был лично знаком с Ломброзо. Во время своего визита в Россию в 1897 году последний выразил желание увидеться с великим русским писателем, чтобы лично проверить свои теоретические построения, высказанные в работе «Гениальность и помешательство». Приведем фрагмент воспоминаний Ч. Ломброзо о встрече с Л. Н. Толстым в Ясной Поляне:

Обращение его было вполне спокойное, корректное и любезное, за исключением случаев, когда разговор принимал направление, противоречащее его идеям, касаясь таких тем, как например, «искусство для искусства», или спора о «прирожденных преступниках»; тут он несколько выходил из этой обычной колеи.... Я видел совершенную невозможность говорить с ним, не раздражая его, о некоторых предметах и особенно о том, что у меня больше всего лежало на сердце, - убеждать его, например, в справедливости теории «прирожденных преступников», которую он упрямо отрицал, хотя он, как и я, лично видел такие типы и описывал их. Но тут между нами возвышалась духовная стена, которая мешала нам понимать друг друга. Стена эта заключалась в его изумительном утверждении, что ни моя, ни прочие теории уголовного права не объяснили еще, на чем человеческие общества основывают свое право наказывать преступника...

Он оставался глухим ко всем этим доводам, насупливал свои страшные брови, метал на меня грозные молнии из своих глубоко сидящих глаз и наконец произнес:

– Все это бред! Всякое наказание преступно!

Несколько месяцев после этого я, читая его «Воскресение», находил там фактические доказательства тому, что я напрасно надрывал свои легкие. (Ломброзо 1902, 2-5)

Сохранился и отзыв Л. Н. Толстого о встрече с Ч. Ломброзо:

Слаб же я оттого еще, что у нас пропасть посетителей, беспрестанно приезжают; сейчас получили телеграмму из Москвы от Ломброзо, к[оторый] хочет приехать. Все это тратит время и силы и ни на что не нужно. Ужасно жажду тишины и спокойствия. Как бы я счастлив б[ыл], если бы мог окончить мои дни в уединении и, главное, в условиях, не противных и мучительных для совести. Но, видно, так надо. По крайней мере, я не знаю выхода. У нас сейчас Ломброзо, приехавший с Моск[овского] съезда, завтра уезжает. Малоинтересный человек – не полный человек. (Толстой 1957, 48)

С Габриелем Тардом, который был в большей степени известен как социолог, Л. Н. Толстой не был знаком лично и не испытывал интереса к его теории.

В целом модная во второй половине XIX века социологическая концепция Г. Тарда, основанная на «психологизме» и «спиритуализме» отдельного индивида («индивидуальные монады») в дальнейшем, как и теория Ч. Ломброзо, не получила поддержки в научном сообществе (Латур 2019). Непосредственно криминологии были посвящены его работы «Сравнительная преступность» и «Философия наказания». Как и Ломброзо, Г. Тард считал, что у преступника есть врожденные склонности к правонарушению и его можно отличить от добропорядочных граждан по морфологическим особенностям – строение черепа, черты лица и т. п. Г. Тарда привлекала криминальная экстрасенсорика и преступления, совершенные под гипнотическим воздействием.

Именно этими псевдонаучными концепциями Тарда вкупе со «школой Шарко» товарищ прокурора обосновывает влияние Масловой на пьяного купца «таинственным, в последнее время исследованным наукой, в особенности школой Шарко, свойством, известным под именем внушения» (Толстой 1936а, 73). Даже председатель суда заметил: «Ну, уж это он, кажется, зарапортовался». В ответ на это строгий член суда сказал, что товарищ прокурора «ужасный болван» (Толстой 1936а, 73).

Теории, объясняющие, что лицо становится преступником в силу имманентно присущих ему свойств, Л. Н. Толстой отвергает. Социум делает человека преступником, постепенно подталкивает к тому последнему деянию, которое закон квалифицирует как преступление и за которое его наказывает.

5 Заключение

Образы права и правоведов в рассказе А. П. Чехова «Злоумышленник» и романе Л. Н. Толстого «Воскресение» не являются сатирой или пародией на

российский правопорядок второй половины XIX века, как сочли это некоторые современники-юристы (Аноним 1900).

Европейская механистичность права индустриальной эпохи оказалась неприемлемой для России. Для русского правосознания в качестве регуляторов поведения были в большей степени свойственны неправовые ограничители: религия, народное понимание правды, совести, нравственности и справедливости, мнение мира, т. е. общины, коллектива.

Непонимание правоведами отношения народа к праву и суду А. П. Чехов и Л. Н. Толстой видят в незнании юристами народной жизни, нежелании считаться с вековыми народными устоями, с народной нравственностью, и даже хуже – в подмене нравственности как основного регулятора общественных отношений позитивным правом.

Объективной основой такого взаимного непонимания и антагонизма была начавшаяся модернизация общества. Та скорость, с которой происходила модернизация во всех областях жизни, не позволила большинству населения России должным образом подготовиться к нововведениям. Фактически в пореформенный период второй половины XIX века шла жесткая ломка старого добуржуазного порядка. Крестьянству было предложено играть по правилам, которые оно в принципе не могло понять. В этой связи в народной среде появляется идеализация старых, дореформенных отношений, резко отрицательное восприятие нововведений.

Список источников и литературы

- Posner, Richard Allen. 2009. *Law and literature*, 3rd ed. Cambridge: Harvard University Press.
- Аноним. 1900. “Судебные деятели по воскресенью графа Л. Толстого (Бывший прокурор, ныне судья).” *Вестник права* 1: 79–93.
- Гольденвейзер, А. С. 1901. “Преступление – как наказание, а наказание – как преступление. Мотивы Толстовского «Воскресения».” *Вестник права* 7: 165–211.
- Горький, М. 1979. “А. П. Чехов.” In М. Горький. *Собрание сочинений в 16 томах. Том 16*. М.: Издательство «Правда».
- Гудзий, Н. К., and Е. А. Маймин. 1964. “Роман Л. Н. Толстого «Воскресение».” In *Воскресение*, edited by Л. Н. Толстой, 483–545. М.: Наука.
- Давид, Р., and К. Жоффре-Спинози. 1999. *Правовые системы современности*. М.: Международные отношения.
- Егоров, А. А. 2025. “Теория преступления и наказания в трудах Л. Н. Толстого: литературные этюды в образах права.” *История государства и права* 2: 15–21.
- Ежов, И. С. 1930. “Литературные взгляды Чехова.” In *Чехов и его среда*, edited by Н. Ф. Бельчиков, 39–41. Л.: Academia.
- Козлихин, И. Ю. 2014. “Лев Толстой как зеркало русского правосознания.” *Вестник Санкт-Петербургского университета* 4 (14): 5–14.

- Латур, Б. 2019. “Габриель Тард и конец социального.” *Социология власти* 2 (31): 217–39.
- Лебедь, М. В. 2025. “Наследование по духовному завещанию в романе Н. И. Греча «Черная женщина».” *Chinese Journal of Slavic Studies* 5 (1): 53–68.
- Ломброзо, Ч. 1902. “Мое посещение Толстого.” *Lib.ru/Классика*. http://az.lib.ru/l/lombroso_c/text_1902_moyo_poseshenie_tolstogo.shtml (accessed July 31, 2025).
- Ломброзо, Ч., and Г. Ферреро. 1897. *Женщина преступница и проститутка*. Киев; Харьков: Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Иогансона.
- Миронов, Б. Н. 1999. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)*. Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Миронова, С. М., С. Ю. Семенова, К. А. Трифонова, and Д. В. Кожемякин. 2023. *Право в произведениях художественной литературы: учебное пособие*. М.: Русайнс.
- Николози, Р. 2019. *Вырождение. Литература и психиатрия в русской литературе конца XIX века*. М.: Новое литературное обозрение.
- Прокопчук, Ю. В. 2019. “К вопросу о правосознании Льва Толстого.” In *Толстовские правовые чтения. Сборник докладов. 11 апреля 2019 года*, 13–7. Тула: s. n.
- Рамзанов, Н. 2020. “Право и литература: правовой дискурс в литературе и перспективы трактовки правовых текстов художественными методами.” *Review of Law Sciences* 4: 180–8.
- Соболев, Ю. 1934. *Чехов. М.: Журнально-газетное объединение*.
- Толстой, Л. Н. 1936a. “Воскресение.” *Полное собрание сочинений*. Т. 32. М.: ГИХЛ.
- Толстой, Л. Н. 1936b. “Воскресение. Черновые редакции и варианты.” *Полное собрание сочинений*. Т. 33. М.: ГИХЛ.
- Толстой, Л. Н. 1936c. “Письмо студенту о праве.” In *Полное собрание сочинений*. Т. 38, edited by Л. Н. Толстой, 54–61. М.: ГИХЛ.
- Толстой, Л. Н. 1957. *Полное собрание сочинений*. Т. 88. *Письма к В. Г. Черткову 1897–1904*. М.: ГИХЛ.
- Уотман, Р. 2004. *Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России*. М.: Новое литературное обозрение.
- Харабет, К. В. 2008. “«Юридический мир» доктора Чехова.” *Российская юстиция* 2: 71–4.
- Харабет, К. В. 2012. *Преступление и наказание. Закон и правосудие в русской классической литературе XIX века*. М.: Рипол-Классик.
- Чехов, А. П. 1976. “Злоумышленник.” In *Полное собрание сочинений и писем*. Т. 4, edited by А. П. Чехов, 84–7. М.: Наука.
- Шкловский, В. Б. 1967. *Лев Толстой*. М.: Молодая гвардия.
- Ячевский, В. В. 1983. *Общественно-политические и правовые взгляды Л. Н. Толстого*. Воронеж: Издательство Воронежского университета.

References

- Anonymous. 1900. ““Sudebnyye deyateli po voskresen'yu grafa L. Tolstogo (Byvshiy prokuror, nyne sud'ya)” [Court Figures from Count L. Tolstoy's Resurrection (A Former Prosecutor, Now a Judge)].” *Vestnik prava [Journal of Law]* 1: 79–93.
- Chekhov, A. P. 1976. ““Zloumyshlennik” [A Malefactor].” In *Polnoe sobranie sochineniy i pisem*. Т. 4 [Complete Works and Letters. Vol. 4], 84–7. Moscow: Nauka.
- David, R., and K. Joffre-Spinozi. 1999. *Pravovyye sistemy sovremennosti [The Major Legal Systems of the Present Time]*. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya.

- Egorov, A. A. 2025. “Teoriya prestupleniya i nakazaniya v trudakh L. N. Tolstogo: literaturnyye etyudy v obrazakh prava” [The Theory of Crime and Punishment in the Works of L. N. Tolstoy: Literary Studies in the Images of Law]. *History of State and Law* 2: 15–21.
- Ezhev, I. S. 1930. “Literaturnyye vzglyady Chekhova” [Chekhov's Literary Views]. In *Chekhov i yego sreda* [Chekhov and His Milieu], edited by N. F. Belchikov, 39–41. Leningrad: Academia.
- Goldenweiser, A. S. 1901. “Prestupleniye – kak nakazaniye, a nakazaniye – kak prestupleniye. Motivy Tolstovskogo «Voskreseniya»” [Crime as Punishment and Punishment as Crime. Motifs of Tolstoy's “Resurrection”]. *Vestnik prava* [Journal of Law] 7: 165–211.
- Gorky, M. 1979. “A. P. Chekhov.” In *Sobranie sochinenij v 16 tomakh. Tom 16*. [Collected Works. Vol. 16], edited by M. Gorky. Moscow: Pravda.
- Gudziy, N. K., and E. A. Maymin. 1964. “Roman L. N. Tolstogo «Voskreseniye»” [L. N. Tolstoy's Novel “Resurrection”]. In *Voskreseniye* [Resurrection], edited by L. N. Tolstoy, 483–545. Moscow: Nauka.
- Kharabet, K. V. 2008. “«Yuridicheskiy mir» doktora Chekhova” [“Legal World” of Doctor Chekhov]. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian Justice] 2: 71–4.
- Kharabet, K. V. 2012. *Prestupleniye i nakazaniye. Zakon i pravosudiye v russkoy klassicheskoy literature XIX veka* [Crime and Punishment. Law and Justice in 19th Century Russian Classical Literature]. Moscow: Ripol-Klassik.
- Kozlikhin, I. Y. 2014. “Lev Tolstoy kak zerkalo russkogo pravosoznaniya.” [Leo Tolstoy as a Mirror of Russian Legal Conscience]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Vestnik of Saint Petersburg University. Law] 4 (14): 5–14.
- Latour, B. 2019. “Gabriel' Tard i konec social'nogo.” [Gabriel Tarde and the End of the Social]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power] 2 (31): 217–39.
- Lebed, M. V. 2025. “Inheritance by Will in N. I. Gretsche's Novel The Black Woman.” *Chinese Journal of Slavic Studies* 5 (1): 53–68.
- Lombroso, C. 1902. “Moyo poseshcheniye Tolstogo” [My Visit to Tolstoy]. *Lib.ru/Klassika*, http://az.lib.ru/l/lombroso_c/text_1902_moyo_poseshenie_tolstogo.shtml (accessed July 31, 2025).
- Lombroso, C., and G. Ferrero. 1897. *Zhenshchina prestupnitsa i prostitutka* [The Female Offender]. Kyiv; Kharkiv: Yuzhno-russkoye knigoizdatel'stvo F. A. Ioganson.
- Mironov, B. N. 1999. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.). Tom 2* [A Social History of Imperial Russia, 18th – Early 20th Century. Vol. 2]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
- Mironova, S. M., S. Y. Semenova, K. A. Trifonova, and D. V. Kozhemyakin. 2023. *Pravo v proizvedeniyakh khudozhestvennoy literatury: uchebnoye posobiye* [Law in Works of Fiction: A Textbook]. Moscow: Ru-Science.
- Nikolosi, R. 2019. *Vyvrozhdeniye. Literatura i psikiatriya v russkoy literature kontsa XIX veka* [Narrating Degeneration. Literature and Psychiatry in 1880s and 1890s Russia]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Posner, R. A. 2009. *Law and Literature*, 3rd ed. Cambridge: Harvard University Press.
- Prokopchuk, Y. V. 2019. “K voprosu o pravosoznanii L'va Tolstogo” [On the Question of Leo Tolstoy's Legal Consciousness]. In *Tolstovskiy pravovyye chteniya. Sbornik dokladov. 11 aprelya 2019 goda* [Tolstoyan Legal Readings. Collection of Reports. April 11, 2019], 13–7. Tula: s. n.
- Ramazanov, N. 2020. “Pravo i literatura: pravovoj diskurs v literature i perspektivy` traktovki pravovyy`x tekstov khudozhestvenny`mi metodami.” [Law and Literature: Legal Discourse in Literature and Prospects for Interpreting Legal Texts by Artistic Methods]. *Review of Law Sciences* 4: 180–8.
- Sobolev, Y. 1934. *Chekhov*. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoye ob'yedineniye.
- Tolstoy, L. N. 1936a. “Voskreseniye.” [Resurrection]. In *Polnoye sobraniye sochineniy. Tom 32* [Complete Works. Vol. 32]. Moscow: State Publishing House of Fiction.

- Tolstoy, L. N. 1936b. "Voskresenie. Chernovye redakcii i varianty." [Resurrection. Drafts and Variants] In *Polnoye sobraniye sochineniy. Tom 33 [Complete Works. Vol. 33]*. Moscow: State Publishing House of Fiction.
- Tolstoy, L. N. 1936c. "'Pis'mo studentu o prave'" [Letter to a Student About Law]. In *Polnoye sobraniye sochineniy. Tom 38 [Complete Works. Vol. 38]*, edited by L. N. Tolstoy, 54–61. Moscow: State Publishing House of Fiction.
- Tolstoy, L. N. 1957. *Polnoye sobraniye sochineniy. Tom 88. Pis'ma k V. G. Chertkovu 1897-1904 [Complete Works. Vol. 88. Letters to V. G. Chertkov 1897-1904]*. Moscow: State Publishing House of Fiction.
- Tolstoy, L. N. 1964. *Voskreseniye [Resurrection]*. Moscow: Nauka.
- Wortman, R. 2004. *Vlastiteli i sudii: razvitiye pravovogo soznaniya v imperskoy Rossii [The Development of a Russian Legal Consciousness: Imperial Russia]*. Moscow: Novoe literaturnoye obozreniye.
- Yachevskiy, V. V. 1983. *Obshchestvenno-politicheskiye i pravovyye vzglyady L. N. Tolstogo [The Socio-Political and Legal Views of L. N. Tolstoy]*. Voronezh: Voronezh University Press.
- Yezhov, I. S. 1930. "'Literaturnyye vzglyady Chekhova'" [Chekhov's Literary Views]. In *Chekhov i yego sreda [Chekhov and His Milieu]*, edited by N. F. Bel'chikov, 39–41. Leningrad: Academia.